

И. В. Сибиряков

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ТЕРРОР В РОССИИ В КОНЦЕ XX в.: НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ*

I. V. Sibiryakov

INTELLIGENTSIA AND TERROR IN RUSSIA AT THE END OF XX CENTURY: UNCLAIMED HISTORICAL EXPERIENCE

В статье проанализирован ряд проблем касающихся истории политического терроризма в России в конце XX в. Исследованы основные положения федерального закона «О борьбе с терроризмом», а так же выявлены причины не востребованности исторического опыта противостояния террору, накопленного российской интеллигенцией в начале XX в.

Ключевые слова: *террористические акты, интеллигенция, исторический опыт, общественное сознание.*

The paper analyzed a number of issues relating to the history of political terrorism in Russia in the late twentieth century. Investigated the basic provisions of federal law «On Combating Terrorism», as well as identify the reasons for lack of demand for the historical experience of resistance to terror, learned of the Russian intelligentsia in the early twentieth century.

Keywords: *terrorism, the intellectuals, the historical experience, social consciousness.*

В конце XX века в жизни российского социума произошли очень серьезные перемены. Масштаб и глубину этих трансформаций интеллектуальная элита начинает осознать только сейчас. Новая конструкция власти, новая модель экономического развития, новые информационные технологии потребовали создания новой системы ценностей, позволяющей вовлечь в процессы модернизации наиболее влиятельные сильные социальные группы. Формирование такой системы — это процесс длительный и многоуровневый. Важную роль в нем может сыграть интеллигенция, как особая социальная группа, способная генерировать ценностные ориентиры, создавать и разрушать исторические мифы, порождать модные интеллектуальные тренды. Одним из элементов новой системы ценностей российского общества на рубеже XX—XXI вв. стало его отношение к политическому террору. Конечно, в отечественной истории тема политического террора занимала важное место уже в XIX и, особенно в начале XX века. Но в 40—80-е годы эта тема была деактуализирована в общественном сознании и постепенно ушла на страницы академических научных изданий, а также в короткие сообщения из-за рубежа советских журналистов-международников. Единственный крупный теракт, вызвавший в СССР широкий общественный резонанс в эти годы, произошел 15 октября 1970 г., когда отец и сын Бразински угнали в Турцию самолет АН-24. В ходе этого теракта погибла бортпроводница самолета Н. В. Курченко¹. Но официальные средства массо-

вой информации в СССР трактовали эту трагедию, только как уголовное преступление.

Советское общество почти забыло о том, что такое политический террор, особенно на территории СССР. С распадом Советского Союза ситуация резко изменилась. Уже в 90-е гг. XX в. террор стал важным элементом политической жизни страны, частью ее новой повседневности. При этом определенного однозначного отношения к политическому террору в российском обществе в начале 90-х годов так и не сложилось. Криминализация многих экономических и социальных процессов, происходивших в стране, стремительное разрушение прежней советской системы нравственных ценностей, усталость населения от быстро нарастающих информационных потоков привели в итоге к резкой фрагментации социума. Разные группы населения по-разному относились к первым проявлениям террора в новой политической истории страны. Такого рода «разноголосица», на наш взгляд, была неизбежна. Демонопозиция власти и собственности привели к демонополизации культуры, идеологии, морали. В этой ситуации «советская» по-своему происхождению интеллигенция была вынуждена «приспосабливаться» к новым экономическим, политическим, социальным реалиям, искать для себя новых покровителей и спонсоров, пытаться сохранить свое «жизненное пространство». В условиях стремительного возвращения в официальную жизнь страны религии и религиозных организаций, в условиях мощного идеологического давления из-за рубежа сделать это было очень не просто.

Одной из наиболее важных для российской политической и интеллектуальной элиты тем в конце

* Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2010—2011). Мероприятие 1».

XX века оказалась тема террора. Не случайно, в той или иной степени, в той или иной форме к ней обратились представители почти всех влиятельных групп российской интеллигенции.

Первые попытки сформулировать какие-то базовые системные оценки политического террора, признаваемые в качестве согласованной позиции влиятельными социальными группами, были предприняты в середине 90-х годов XX в. Показательно, что трагические события в Москве в октябре 1993 г. в общественном сознании не были восприняты, как проявление террора и описывались в совершенно другой дискурсионной традиции².

Теракты 1994 г., произошедшие на территории России (захваты рейсовых автобусов во Владикавказе, Гудермесе, Пятигорске, вертолета в аэропорту Минеральных Вод³), не вызвали бурной реакции ни у представителей политической элиты, ни у большинства представителей российской интеллигенции. Примечательно, что указы Президента Российской Федерации, которые в декабре 1994 г. стали правовой основой для военных операций на Северном Кавказе (например, указ от 9 декабря 1994 г. «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики»), так же не содержали терминов терроризм или террористы.

Впервые термин «террористический акт» был активно востребован многими ведущими отечественными средствами массовой информации при описании событий в Буденновске, где 14—19 июня 1995 г. «банда Шамиля Басаева» захватила в заложники более 1600 жителей. В результате теракта тогда погибли 129 человек, 415 были ранены. Во время этих трагических событий президент страны Б. Н. Ельцин находился в Канаде на встрече лидеров ведущих мировых держав. Теракт в Буденновске вызвал бурную реакцию, как со стороны официальных государственных структур, так и в среде интеллигенции. Он удивил россиян своими масштабами, дерзостью, бесилием властных институтов. Телевизионные и радиорепортажи из Буденновска придали этим событиям ярко выраженный «медийный» политический характер.

22 июня 1995 г. был объявлен в России днем траура. В Указе Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина №624 было сказано: «...выражая скорбь по гражданам Российской Федерации, погибшим в результате акта терроризма, совершенного 14—20 июня 1995 г. в г. Буденновске Ставропольского края, соболезнуя их родным и близким, постановляю: 1. Объявить 22 июня 1995 г. днем траура в Российской Федерации. 2. В день траура на всей территории страны приспустить Государственные флаги Российской Федерации. 3. Рекомендовать учреждениям культуры и телерадиокомпаниям отменить развлекательные мероприятия и передачи в течение 22 июня 1995 г...»⁴. Появление понятия «терроризм» в текстах официальных государственных документов и выступлениях официальных государственных чиновников, по-нашему мнению, означало существенные изменения в подходах государства к решению политических проблем, накопившихся на Северном Кавказе. Эти изменения

потребовали существенных кадровых перестановок. Уже 30 июня 1995 г. ушел в отставку целый ряд высокопоставленных российских чиновников, таких как директор ФСБ С. В. Степашин, министр внутренних дел В. Ф. Ерин и др.

В этот же день Фонд общественного мнения провел социологический опрос, пытаясь выяснить отношение россиян к отъезду президента в Канаду. 43 % опрошенных россиян заявили тогда, что президент «должен был немедленно выехать в Буденновск», еще 21 % подчеркнули, что он «должен был отказаться от поездки и остаться в Москве», и лишь 21 % считал, что президент должен был отправиться «на заранее запланированную встречу»⁵. Данные, полученные в результате опроса, убедительно свидетельствовали о том, что значительная часть населения страны была недовольна поведением президента, а в его лице государства, в условиях первой и столь опасной террористической атаки.

Показательно, что полноценного серьезного разговора о причинах этой трагедии, о феномене терроризма, о тяжелейших последствиях этого теракта в России так и не произошло.

Уже в 2005 г. член СКОО «Конгресс интеллигенции Ставрополя» С. Бирюкова написала: «Спустя десять лет многое видится по-другому, и многие из нас даже готовы простить тех, кто повинен в наших бедах. Есть такое в российской душе — махнуть рукой на недругов, мол, Бог им судья. Особенно если в недруги попало собственное правительство. Ну что ж, может, и пора простить и отпустить боль, по крайней мере, стоит попробовать. Но прежде так хочется, наконец, знать, кто же те недруги. Чеченцы? Милиция? Военные? Краевая власть? Федеральные спецслужбы? Министры? Депутаты? Черномырдин? Ельцин? Американцы? ... Вопросов у буденновцев много, и на них за десять лет так никто и не сумел дать ответ. Ничего не понявшие, исстрадавшиеся люди и спустя десятилетие клянут всех подряд и думают только об одном: как забыть июньский кошмар. Но мы, те, кто рядом, кто ежедневно видит страдания близких людей, имеем ли мы право — забывать? Нет!»⁶. Средства массовой информации в 1995 г. очень быстро утратили интерес к событиям в Буденновске, а представители научного сообщества, деятели литературы и искусства не смогли вернуть эту тему в центр общественного внимания. Потеряв доступ к средствам массовой информации, значительная часть российской интеллигенции потеряла возможность диалога с основной массой населения страны. Политические интересы отдельных групп политической элиты России, позиция руководителей т.н. «силовых ведомств», раскол интеллектуальной и культурной элиты страны не позволили сформировать социальный заказ на изучение феномена политического терроризма в новейшей истории России, блокировали серьезный глубокий разговор о нравственных, исторических, культурных истоках этого явления, что в дальнейшем привело к очень печальным последствиям.

9 января 1996 г. боевики под командованием С. Радуева атаковали г. Кизляр. В качестве заложников было захвачено около 3700 человек. В ходе операции по освобождению заложников в Кизляре

и с. Первомайском было уничтожено 153 боевика, убито 11 заложников, от рук террористов погибли 26 солдат и офицеров федеральных войск, было ранено 95 человек. Профессиональные военные очень негативно оценили роль средств массовой информации в этих событиях⁷.

Пытаясь объединить усилия различных государственных структур, призванных вести борьбу с терроризмом, в январе 1997 г. правительство Российской Федерации приняло постановление о создании Межведомственной Антитеррористической Комиссии (далее — МАК). Основными задачами комиссии были провозглашены: «разработка и осуществление мероприятий в области выявления, предупреждения и пресечения террористической деятельности; внесение в Правительство Российской Федерации предложений по формированию системы мер по обеспечению безопасности и защиты населения от терроризма; осуществление контроля за выполнением федеральными органами исполнительной власти законодательства Российской Федерации по вопросам борьбы с терроризмом; координация взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом; координация деятельности федеральных органов исполнительной власти по разработке проектов законодательных и других нормативных правовых актов по вопросам, отнесенным к ее компетенции; подготовка предложений по вопросам международного сотрудничества федеральных органов исполнительной власти в области антитеррористической деятельности...»⁸.

Несмотря на создание МАК и целый ряд других шагов, предпринятых государственными структурами в 1997 г. в России вновь было совершено несколько террористических актов, направленных, как против мирных граждан, так и против военнослужащих. Так 27 июня 1997 г. в результате взрыва в скором поезде «Юность» Москва — Петербург 5 человек погибли, 13 были ранены. А 29 октября 1997 г. в г. Буйнакске было взорвано офицерское общежитие 138-й мотострелковой бригады 58-й армии.

Масштабы террористической угрозы, с которой столкнулось российское государство, ускорили процесс принятия федерального закона «О борьбе с терроризмом». Официально он был принят в России 25 июля 1998 г.⁹. В его разработке принимали участие и представители интеллигенции (например, С. А. Чуркин¹⁰), считавшие, что нормы этого закона помогут создать правовые механизмы для более эффективного противостояния террору.

Закон дал следующее определение понятия «терроризм». Терроризм — это «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на

принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов...»¹¹.

Закон определил правовые и организационные основы для борьбы с терроризмом, а так же основные принципы борьбы с терроризмом в число последних были включены: законность; приоритет мер предупреждения терроризма; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; сочетание гласных и негласных методов борьбы с терроризмом; единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций; минимальная огласка технических приемов и тактики проведения контртеррористических операций, а также состава участников указанных операций¹².

В законе была прописана процедура ведения переговоров с террористами. Одна из статей закона, в частности гласила: «При проведении контртеррористической операции в целях сохранения жизни и здоровья людей, материальных ценностей, а также изучения возможности пресечения террористической акции без применения силы допускается ведение переговоров с террористами. К ведению переговоров с террористами допускаются только лица, специально уполномоченные на то руководителем оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией. При ведении переговоров с террористами в качестве условия прекращения ими террористической акции не должны рассматриваться вопросы о выдаче террористам, каких бы то ни было лиц, передаче им оружия и иных средств и предметов, применение которых может создать угрозу жизни и здоровью людей, а также вопрос о выполнении политических требований террористов. Ведение переговоров с террористами не может служить основанием или условием их освобождения от ответственности за совершенные деяния»¹³. Таким образом, федеральный закон практически полностью исключил участие общественных институтов или отдельных представителей гражданского общества из организованной государством борьбы с терроризмом.

Однако эффективность действия федерального закона «О борьбе с терроризмом» оказалась не высокой, что продемонстрировали события осени 1999 г. 4 сентября 1999 г. в дагестанском городе Буйнакске был взорван многоэтажный жилой дом. В результате теракта погибли 62 человека, более 100 получили ранения. Подозреваемые в организации взрыва после задержания показали, что эта акция была осуществлена по приказу полевого командира Хаттаба¹⁴. 8 сентября 1999 г. был взорван 9-этажный жилой дом в Москве. 13 сентября взорван 8-этажный дом на Каширском шоссе. 16 сентября совершен террористический акт в Волгодонске. В результате терактов 307 человек погибли, более 1700 человек пострадали или получили ранения различной степени тяжести¹⁵.

В российском обществе сложилось несколько точек зрения по вопросу об организаторах и целях данных терактов. Политические споры о том, кому были выгодны теракты в Москве, Волгодонске и Буйнакске осенью 1999 г. не завершены до сих пор.

Противостояние правящей политической элиты и радикальной оппозиции в этом вопросе носит особенно болезненный характер. Сблизить позиции сторон не удастся уже много лет.

Многочисленные террористические акты, которые произошли в России в начале XXI в., убедительно доказали, что простого и радикального решения проблема политического терроризма не имеет. Требуются огромные скоординированные усилия самых разных государственных и общественных институтов, для того, что бы хотя бы уменьшить интенсивность террористических актов. Без активного участия интеллигенции в процессе формирования соответствующего «антитеррористического» общественного мнения сделать это будет очень непросто. Однако вовлечь все группы интеллигенции в этот социальный, политический, нравственный проект в силу целого ряда объективных и субъективных причин будет крайне сложно. Значительная часть российской интеллигенции на рубеже XX—XXI вв. оказалась в ситуации «замкнутого круга», очень напоминающей ту ситуацию, в которой российская интеллигенция уже побывала на рубеже XIX—XX вв. Именно тогда в условиях нарастающей террористической активности радикальных политических группировок перед влиятельными деятелями российской науки, культуры, искусства встал вопрос об отношении к террору. Многие из них не смогли тогда открыто и однозначно осудить террор, направленный против носителей государственной власти, так как имели очень серьезные претензии к политике этой власти¹⁶. Уверенность в том, что политика государства и является первопричиной террора, не позволила российской интеллигенции в массовом порядке встать на путь сотрудничества с властью в деле борьбы с терроризмом. Недоверие к важнейшим институтам государственной власти со стороны интеллигенции в конце XX в. существенно уменьшило ее активность в идеологическом и нравственном противостоянии террору. Попытки привлечь интеллигенцию к борьбе против терроризма административными методами оказались малоэффективными, а ставка на мощь т. н. информационных технологий дала лишь краткосрочный исторический эффект.

Примечания

1. Бегство из империи [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://www.hijacking.far.ru/nkurchenko.html> — 04.06.2011

2. Разгон Верховного Совета России [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Разгон_Верховного_Совета_России — 04.06.2011

3. Террористические акты в России 1994—2011 [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://www.abc-people.com/news/terror.htm> — 04.06.2011

4. Указ Президента РФ от 21 июня 1995 г. № 624 «Об объявлении траура по жертвам акта терроризма в г. Буденновске Ставропольского края» [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://www.pravoteka.ru/pst/1051/525154.html> — 04.06.2011

5. База данных ФОМ [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pres/eltzin/_otsenki_i_oshibki/of19952508 — 04.06.2011

6. Бирюкова С. Буденновский крест [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://www.congress-st.ru/post/budennovskii-krest-2010-11-29/> — 04.06.2011

7. Теракт в Кизляре-Первомайском [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://army.lv/ru/chechnya/54/37> — 04.06.2011

8. Постановление правительства РФ от 16.01.97 № 45 «О создании межведомственной антитеррористической комиссии Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_524/doc524a375x781.htm — 04.06.2011

9. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://femida.info/14/fzobst003.htm> — 04.06.2011

10. Чуркин Сергей Александрович [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Чуркин,_Сергей_Александрович

11. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://femida.info/14/fzobst003.htm> — 04.06.2011

12. Там же.

13. Там же.

14. Лента истории мира [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: <http://vokurat.ru/1995-2000.html> — 04.06.2011

15. Взрывы жилых домов в России [Электронный ресурс]: Режим доступа: URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Взрывы_жилых_домов_в_России — 04.06.2011

16. См.: Сибиряков И. В. Л. Н. Толстой и политический террор: в поисках альтернативного дискурса // Дискурсология: методология, теория, практика: доклады пятой Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти Льва Николаевича Толстого и его идеям ненасильственного сопротивления. 19—20 ноября 2010 г. Россия — Мексика / под общ. ред. М. А. Малышева, В. Е. Хвощева. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; Изд-во НОЦ «КПОН», 2011. — С. 302—305 и др.

Поступила в редакцию 22 июля 2011 г.

СИБИРЯКОВ Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, профессор. Окончил исторический факультет Челябинского государственного университета (1985), аспирантуру МГУ (1987). С 1999 г. — зав. кафедрой истории России ЮУрГУ. Автор более 70 научных работ. Научные интересы: история интеллигенции, история российского либерализма, история политической этики, история терроризма. E-mail: sibirjkovig@mail.ru

SIBIRYAKOV Igor Vyacheslavovich, doctor of historical sciences, professor. He graduated from the history department of the Chelyabinsk State University (1985), graduate of Moscow State University (1987). Since 1999 — head. Department of History of Russia SUSU. Author of more than 70 scientific papers. Research interests: history of the intelligentsia, the history of Russian liberalism, the history of political ethics, the history of terrorism. E-mail: sibirjkovig@mail.ru